

чески остаются без рассмотрения, либо, в лучшем случае, излагается один только фактический материал, без попытки какого-либо обобщающего анализа событий. Идеалистическая методология Штейна привела его к ошибочной, основанной на случайных признаках, периодизации византийской истории. Уделяя много места освещению завоевательных походов Юстиниана, Штейн проходит мимо внутренней истории областей, временно захваченных византийскими войсками; он не вскрывает реакционного характера политики Юстиниана в этих областях. Совершенно обойден автором важнейший вопрос о славянской колонизации и роли славян в формировании византийского феодализма, разрешенный в трудах советских историков (Б. Д. Греков, П. Н. Третьяков, Н. В. Пигулевская, Е. Э. Липшиц, А. В. Мишулин, М. В. Левченко, Б. Т. Горянов, Э. В. Удальцова).

В целом большой труд Штейна, составлявшийся на протяжении почти двух десятилетий, труд, в котором собран значительный фактический материал, является свидетельством вырождения буржуазного византиноведения. Не случайно поэтому прогрессивные круги буржуазной Франции, интересующиеся правильной научной трактовкой византийской истории, издали в переводе на французский язык книгу советского ученого М. В. Левченко по истории Византии. Только советская историческая наука, владеющая единственно научным методом исторического исследования, способна разрешить сложные вопросы истории византийского феодализма.

Б. Т. Горянов

LOUIS BRÉNIER. LE MONDE BYZANTIN

T. II. *Les institutions de l'empire Byzantin. Paris, 1949.*

T. III. *La civilisation Byzantine. Paris, 1950.*

Работа Луи Брейе по истории Византии, изданная во Франции в исторической серии „Эволюция человечества“,¹ чрезвычайно ярко показывает состояние маразма и упадка современной буржуазной исторической науки вообще, византиноведения — в частности. Брейе — один из наиболее известных западноевропейских византинистов, автор большого количества исследований по различным вопросам истории Византии; вице-президент шестого Международного конгресса византинистов, заседавшего в Париже в 1948 г.

Труд Брейе состоит из трех томов: I. „Жизнь и смерть Византии“ (политическая история империи), — эта книга уже была подвергнута критическому разбору в советской историографии;² II. „Учреждения Византийской империи“; III. „Византийская цивилизация“.

Таким образом, автор поставил перед собой цель осветить все стороны жизни византийского общества на протяжении тысячелетнего периода его существования. Американская и западноевропейская критика считает, что Брейе удачно выполнил эту задачу. А. Васильев называет его второй том „византийской энциклопедией по внутренней истории империи“.³ Третий том „Византийского мира“, по мнению А. Берра — руководителя серии и автора предисловия к рецензируемой

¹ L'évolution de l'humanité. Synthèse collective. Dirigée par H. Berr.

² Рецензия Э. В. Удальдовой. „Византийский Временник“, т. II, 1949, стр. 337—360.

³ „American historical review“, vol. 55, N° 1, oct. 1949.

работе, — дает возможность узнать „психологию этого мира, который он (Брейе) изучил во всех его аспектах“.¹ Эти одобрительные отзывы буржуазных историков не случайны. Сочинение Брейе является обобщающим трудом по истории Византии в современной буржуазной историографии, и ему присущи все отрицательные стороны, свойственные последней. Автор „Византийского мира“ всецело находится в русле тех порочных идей, которые характерны для западноевропейской историографии. Ее методологическую основу составляет идеалистическая концепция истории. В этом отношении весьма показательно выступление президента шестого Международного конгресса византинистов Габриэля Милле, заявившего, что история Византии представляет особый интерес, ибо Византия „сохранила законы античности, мысль и идеал Греции, римское право, сочетала ясный разум средиземноморской цивилизации с глубоким религиозным чувством Востока“.²

Об идеалистическом подходе Брейе к историческим явлениям свидетельствует самое расположение материала в его труде. После тома, который содержит изложение политической истории империи, следует том, посвященный характеристике императорской власти, изучению структуры бюрократического аппарата, характеристике права и судебной организации, финансов, дипломатии, армии, церковных институтов. Наконец, третий том охватывает вопросы материальной жизни общества, семейного и хозяйственного быта, нравов, верований, культуры и идеологии. Коренные проблемы экономики и социальных отношений Византии рассматриваются автором очень кратко и лишь после анализа учреждений империи, которые исследуются в полном отрыве от социально-экономического строя византийского государства. Построение работы несет на себе печать искусственности: многие вопросы трактуются дважды: во II томе — в их юридическом аспекте и в III томе — в плане экономическом.

Идеализм Брейе отчетливо проявляется уже в первой главе II тома — „Источники императорской власти“. Автор пытается объяснить неограниченность императорской власти господством в Византии теории божественного происхождения этой власти. С другой стороны, заявляет Брейе, доктрина божественного права, которая давала императору такое могущество, оправдывала также мятежи; опираясь на нее, можно было доказать, что избранный богом государь неправильно использовал свою власть; таким образом, в Византии опасность государственных переворотов была неизбежным следствием самой концепции верховной власти (т. II, стр. 66). Смена династий на всем протяжении истории империи рассматривается как проявление борьбы двух отвлеченных принципов — принципа наследственности власти государей и теории непосредственного вмешательства бога в выборы данного императора. С IX в., по мнению Брейе, одержал верх первый принцип, отсюда — большая продолжительность династий IX—XV вв. и большая сопротивляемость их попыткам узурпации (т. II, стр. 20—21). Эпоха Палеологов объявляется автором „триумфом законности“ (т. II, стр. 25).

Таким образом, анализ конкретной действительности подменяется надуманными умозрительными рассуждениями. Автор совершенно игнорирует всю совокупность внутренних и внешних факторов — сложные перипетии борьбы между различными фракциями господствующего класса в обстановке широких народных выступлений и внешних

¹ Le monde Byzantin, t. III, avant-propos, p. XXV.

² Actes du VI-e congrès international d'études byzantines, Paris, 1950, p. 10.

столкновений, — без учета которых невозможно понимание причин возвышения и падения отдельных династий.

Столь же поверхностной и идеалистической является трактовка особенностей строения и развития византийских учреждений. Брейе пишет: „Теория императорской власти, сложившаяся в Византии, является основой ее политических и административных учреждений“ (т. II, стр. 89). Описывая централизованное византийское государство и отмечая коренное отличие его от европейских государств раннего средневековья, автор даже не делает попытки поставить вопрос о причинах, обусловивших существование в Византии государства с сильной центральной властью и обширным бюрократическим аппаратом. Развитие и изменение структуры центрального и провинциального аппарата рассматривается, как правило, вне связи с социальной и экономической жизнью общества. Точно так же совершенно изолированно от социальной среды анализируется византийское право и организация суда. Брейе ищет объяснения характерных черт судебной организации Византии в „юридическом духе — наследстве древнего Рима, — который царил в учреждениях империи“ (т. II, стр. 219). С той же идеалистической точки зрения он трактует проблему создания византийского уголовного кодекса и реформ в сфере гражданского права. Так, все развитие уголовного права объясняется автором, с одной стороны, влиянием идей стоиков и неоплатоников на заимствованную Византией римскую систему наказаний и, с другой стороны, благотворным воздействием церкви (якобы смягчавшей нравы общества),¹ что привело к введению права убежища и замене смертной казни менее жестокими наказаниями (т. II, стр. 240). Явно идеализируя византийское законодательство, Брейе усматривает его влияние на западноевропейское право не в заимствовании последним сохранившихся в Византии норм римского права, регулировавших товарно-денежные отношения, а в приобщении народов Западной Европы к „понятиям общественного интереса, государственного блага“ (т. II, стр. 180).

В следующих главах II тома — „Дипломатия“ и „Армия и оборона империи“ — действительные отношения вновь оказываются искаженными. Брейе заявляет, что характер сношений Византии с другими народами предопределялся... концепцией императорской власти. Попытка решить важную проблему тысячелетнего существования Византии сводится к поверхностному утверждению, согласно которому причиной длительного существования империи являлись будто бы удачно организованная система обороны и выдающаяся дипломатия; военные учреждения и дипломатия объявляются фундаментом византийского государства.

Излагая историю церковных институтов империи, Брейе исходит из глубоко идеалистического представления о каком-то якобы самостоятельно совершавшемся развитии церковного права и теории, считая их отправным пунктом в истории церкви. Так, например, он пишет: „учение об автономии церкви оказывало такое же влияние на устройство судебных трибуналов, как и на режим собственности“ (т. II, стр. 523). Он даже не пытается выявить действительную роль церкви в феодальном мире, социально-политическое содержание ее институтов.

Равным образом история философии и науки рассматривается Брейе в отрыве от конкретной социально-экономической истории. Такой подход к истории философии и науки обуславливает всякого

¹ Даже стремление церкви расширить сферу своей юрисдикции Брейе объясняет... желанием церкви дать преступникам возможность морально возродиться посредством покаяния (т. II, стр. 243).

рода лженаучные толкования, даваемые автором различным явлениям идеологической жизни Византии; так, отличие византийской патристики от западноевропейской Брейе объясняет свойственной якобы византийцам „склонностью к метафизической интуиции, которая дает возможность познать место, занимаемое человеком в мировом порядке“, — у писателей Запада эта „склонность“, по мнению французского историка, отсутствовала (т. III, стр. 420—421). Брейе рассматривает отдельные философские системы Византии и влияние на них философии Платона и Аристотеля под углом зрения чистой филиации идей.

Далее, излагая взгляды исихастов и варлаамитов и историю борьбы между ними, он признает, что спор исихастов вышел из умозрительной сферы, что идеи, являвшиеся предметом спора, стали оружием одной из двух больших политических и социальных партий против другой и что соглашение между ними было невозможным. При этом основной причиной победы исихастов в XIV в. Брейе считает популярность монахов (т. III, стр. 438), в то время как в действительности эта победа являлась выражением торжества реакционных общественных сил (после разгрома восстания зилофов), результатом глубокой реакционности мистического учения паламитов, ставшего философией господствующего класса эпохи упадка Византии, а также того, что вследствие слабости развития зачатков капиталистических отношений, гуманистическое движение, зародившееся в первой половине XIV в., не могло получить в Византии сколько-либо значительного размаха. Поэтому совершенно необоснованным является утверждение автора относительно „триумфа гуманизма“ в Византии этого периода (т. III, стр. 438).

Таким образом, при анализе политических, правовых взглядов общества и соответствующих им учреждений Брейе целиком стоит на идеалистических позициях.

Брейе, как большинству современных буржуазных ученых, глубоко чужда идея закономерности общественного развития, чуждо представление о развитии общества как о процессе последовательной смены социально-экономических формаций, о революционном характере перехода от одного способа производства к другому.

Брейе не видит основных особенностей раннего периода истории Византии, в частности, более длительного, чем на территории Западно-Римской империи, сохранения рабовладельческой формации и перехода в VII в. к новым, феодальным отношениям. Он не останавливается на вопросе о роли рабства в IV—VI вв. — в период кризиса византийского рабовладельческого общества, а также — на проблеме сохранения рабовладельческого уклада в эпоху складывания феодальных отношений, хотя, как известно, это обстоятельство, составлявшее одну из характерных черт истории Византии, наложило значительный отпечаток на дальнейший ход развития византийского общества. О рабах бегло упоминается в двух разделах III тома: в главе о семье и семейной жизни автор говорит о наличии в Византии рабов, являвшихся членами „familia“ в античном смысле слова, и в главе о сельском хозяйстве — о рабах, обрабатывавших землю крупного поместья. Об использовании рабского труда в ремесле вообще не упоминается. Процесс постепенного освобождения рабов в Византии объясняется не тем, что рабский труд стал экономически невыгодным и поэтому появилась потребность в более инициативном работнике, а тем, что „освобождение рабов рассматривалось как доброе дело“ (т. III, стр. 15 и 164).

В главе, посвященной характеристике промышленности Византии, содержится лишь перечисление различных отраслей византийского

ремесла, описание производимых изделий и краткие сведения об учениках. Автор избегает ставить такие важные проблемы, как, например, вопросы внутренней организации ремесла, устройства ремесленных корпораций, вопрос о роли труда наемных рабочих-мистиев в цехах, о социальном расслоении внутри эргастриев и положении мелких ремесленников, наконец, — о структуре государственных мастерских.

В то время, как еще русские буржуазные ученые (Ф. И. Успенский и др.) доказали, что в Византии развивались феодальные отношения, Брейе нигде не ставит вопроса о византийском „феодализме“ и вообще не пытается установить характера господствовавшего в Византии социально-экономического строя. Термин „феодализм“ ни разу не встречается в его работе. Изучению социально-экономических вопросов отведен лишь небольшой раздел III тома — менее $\frac{1}{7}$ его части. Брейе рассматривает аграрный строй Византии статически, смешивая различные периоды и не замечая принципиального различия между эпохой распада рабовладельческого строя, эпохой складывания феодальных отношений, временем наивысшего развития византийского феодализма и периодом его разложения. При освещении отдельных конкретных вопросов (структуры крупной земельной собственности, цен на землю и пр.) он привлекает примеры, относящиеся к самым различным эпохам — от IV до XIV вв. Так, рисуя картину крупного хозяйства в Египте позднеримской эпохи (V—VI вв.), автор наделяет его теми же характерными признаками, которые были свойственны поместью VII—VIII, IX, XI, XII и XIII вв., не замечая различия ни в методах эксплуатации непосредственных производителей, ни в характере внеэкономического принуждения и т. д.

Брейе не только бессилён решить кардинальные проблемы истории Византии, — он отказывается от самой постановки этих проблем. Единственный процесс, который он замечает в сфере социально-экономических отношений, — это процесс постепенного поглощения мелкой крестьянской собственности крупной; однако в трактовке этого вопроса он допускает ряд ошибок.

Брейе видит лишь количественную, а не качественную сторону процесса исчезновения самостоятельных мелких крестьянских хозяйств, который в действительности свидетельствует о коренных переменах в самой социальной структуре общества — возникновении и укреплении феодальной собственности на землю, которая составляла основу нового, феодального способа производства. По Брейе, крестьянские хозяйства существовали в некотором количестве в IV—VI вв., в VII в. их число увеличилось, ибо „мелкая собственность развилась за счет серважа (т. III, стр. 167), а в дальнейшем, с XI в. оно постепенно все более уменьшается, пока, наконец, мелкие свободные собственники не исчезают полностью в последний период существования империи.

Итак, VI—VII вв., являвшиеся в действительности переломным периодом в истории Византии, временем полной ликвидации старых общественных отношений под ударами восстаний народных масс империи и вторжений славян, — согласно Брейе — период простого увеличения числа крестьянских хозяйств. Он даже не упоминает о массовой славянской эмиграции, сыгравшей столь крупную роль в исторических судьбах империи. Брейе утверждает, что „своим спасением и своим величием в X в.“ империя была обязана реорганизации армии — фемной реформе (т. II, стр. 352), которую он описывает вне какой бы то ни было связи с характеристикой аграрного строя. Брейе не понимает,

что эта реформа стала возможной именно вследствие происшедшего в империи аграрного переворота.

Не замечая революционного характера перехода Византии к новому, феодальному строю, Брейе рисует ее историю как плавное развитие римских учреждений и культуры. Он противопоставляет путь развития Византии тому, по которому шло развитие Западной Европы; там произошел полный разрыв с римскими традициями и, вследствие „варварских“ вторжений и революций, возникли „варварские“ монархии, а затем — феодальный режим, полностью противоположный в своей основе строю Римской империи. В отличие от Запада, „в Византии то же публичное и частное право, те же учреждения господствовали без перерыва на протяжении десяти веков... Все, что исчезло на Западе при соприкосновении с варварами, сохранилось в Византии: понятие государства и публичного права, города и городские классы, техника различных ремесел, искусство и науки“ (т. II, стр. 580—581). Подчеркивая эту „историческую преемственность и верность римским традициям“ (т. II, стр. 581), Брейе рассматривает византийские институты как „органическое развитие римского государства“ (т. II, стр. 582), происходившее при некотором восточном влиянии, еще большей эллинизации восточной половины империи. Это влияние, по Брейе, проявилось в заимствовании с Востока отдельных характерных черт политического строя, быта и т. д.; к числу этих элементов общественного строя Византии, развившихся якобы под восточным влиянием, относятся: важное политическое значение дворцовых должностей, в значительной части замещавшихся евнухами, этикет и титулы знати (т. II, стр. 583), заточение женщин, моды, одежды, прически, ношение пышных и ярких тканей и драгоценностей, пытки, суеверия, магия, астрология и манихейская доктрина (т. III, стр. 571).

Стремление объяснить все особенности византийской экономики, политических и правовых учреждений, а также ее культуры и быта заимствованием римских или восточных элементов приводит автора к механическому и крайне упрощенному расчленению истории Византии на римские и восточные „начала“. Таким образом, крайняя методологическая беспомощность Брейе имеет своим результатом отказ от признания внутренней закономерности исторического развития. Запад, по мнению Брейе, перешел к новой фазе развития — „к феодальному режиму“, в Византии же получили дальнейшее развитие римские начала, с некоторой примесью восточных, что, однако, не привело к коренному изменению византийского общества.

В свою очередь, отказ от признания внутренней закономерности исторического процесса приводит Брейе к переоценке им значения внешних влияний: он часто считает внешнее влияние одной страны на другую решающим фактором изменения основного направления исторического развития. Автор полагает, например, что возрождением городов, ростом торговли и ремесла, быстрым развитием экономики с XI в. Западная Европа была обязана... Византии. Он пытается доказать это антиисторическое положение следующим образом: в VIII в. Византия остановила волну арабских вторжений, а в IX и X вв. она положила конец морскому разбою сарацин в двух бассейнах Средиземного моря и восстановила свободу мореплавания и морской торговли. „Результаты этого великого события, — продолжает Брейе, — не заставили себя ждать. Запад, остававшийся полуварварским, был, в известном смысле, возрожден этим восстановлением международной торговли, которое привело к образованию сети городов и крупных портов, а также к форми-

рованию городского класса, организации итальянского, каталонского и провансальского флота, открытию больших международных ярмарок, подъему промышленности определенных областей и, в общем и целом, — к новому расцвету экономики. В политическом аспекте это возрождение способствовало образованию упорядоченных и хорошо управляемых государств“ (т. II, стр. 584). Итак, влиянием Византии объясняются важнейшие перемены в общественном строе Европы, в действительности являвшиеся результатом роста производительных сил и других внутренних процессов.

Эта переоценка роли Византии в истории Европы связана со свойственной автору идеализацией Византии, о чем мы скажем ниже.

Точно таким же образом, полностью игнорируя внутренний ход развития западноевропейских государств, Брейе пытается приписать и некоторые другие крупнейшие сдвиги в истории всей Западной Европы и отдельных ее стран влиянию Византии. Он пишет: „На островах Риальто Венеция превратилась в город, организованный точно по образцу Константинополя, у которого она восприняла цивилизацию“ (т. III, стр. 136). Более того, все идейное и культурное содержание эпохи Возрождения в Западной и Центральной Европе Брейе приписывает исключительно влиянию византийских ученых. Он утверждает, что благодаря Византии, спасшей от разрушения сокровища античной цивилизации и борющейся в течение 1000 лет за их сохранение, Запад приобрел к культуре античности. По Брейе, это „приобретение“ произошло благодаря тому, что европейцы были обучены византийскими учеными и философами, которые появились в Италии и других странах Запада еще до крушения Византии, но лишь после 1453 г., в результате их массового бегства с родины, смогли полностью познакомиться Европу с интеллектуальным наследством Византии; поэтому „в течение последней половины XV в. и первой трети XVI в. эллинизм буквально завоевал Европу“ (т. III, стр. 572). Наиболее знаменитые представители западного гуманизма — Рейхлин, Эразм Роттердамский, Бюдэ и другие обучались у византийских ученых. Лишь после смерти в 1472 г. Виссариона Никейского, дворец которого был центром эллинистической пропаганды, это движение продолжило первое поколение западных эллинистов. Таким образом, „это широкое движение мысли, изменившее облик мира, ... было тесно связано с интеллектуальным творчеством Византии, и западная образованность изменила с XV в. свое направление благодаря трудам византийских филологов“ (т. III, стр. 574).

Развивая свой тезис о перенесении гуманизма в Европу из Византии, Брейе совершает ряд серьезных ошибок. Как известно, гуманизм был идеологией буржуазии эпохи первоначального накопления, выступившей против феодализма и против всей системы феодального мирозерцания. Зарождение новой идеологии и культуры было следствием глубоких изменений общественного строя Европы. Между тем, идеалист Брейе не только не связывает этой перемены в сфере идеологии с возникновением нового способа производства, но самое изменение условий общественной жизни считает следствием широкого „движения“ мысли в период Возрождения. На самом деле ученые, бежавшие из Византии, повысили на Западе интерес к культуре древней Греции и Рима, привезли ряд ценных рукописей, обучали греческому языку и т. д., но они отнюдь не были, как думает Брейе, „настоящими инициаторами Ренессанса“ (т. III, стр. 488). Наоборот: возможность их активной деятельности сама по себе была обусловлена возникшей в Европе настоятельной потребностью в знатоках греческого языка и античной культуры.

Наконец, Брейе ошибочно считает Возрождение возвратом к античности, не улавливая принципиально иного, нового содержания этой культуры и идеологии. Он сводит все идейное движение Возрождения к изучению античной культуры, которое, по его мнению, получило распространение благодаря красоте литературной формы древних, богатству их языка, высокой и чистой морали, дававшей наиболее прекрасные образцы добродетели, мужества и бескорыстия (т. III, стр. 489). Между тем, подлинное значение гуманизма заключалось в его антифеодалных идеях, которые, являясь мощным оружием в руках молодой буржуазии и выступавших против феодального строя народных масс, активно содействовали развитию и укреплению капиталистических отношений.

С целью обоснования своей „теории“ перенесения гуманизма из Византии в Европу Брейе намеренно смещает хронологические рамки, умалчивая о том общеизвестном факте, что начало Возрождения в Италии относится не к XV, а к XIV в.

„Теория“ Брейе не случайно вызывает похвалу Берра, который называет страницы его книги, посвященные гуманизму, наиболее важными „с точки зрения роли идеи, а следовательно — нашей (!) концепции истории“.¹

Как и у многих других буржуазных историков, отказ Брейе от признания объективной исторической закономерности влечет за собой переоценку им роли личности в истории. Могу́щество Византии было, по мнению Брейе, результатом деятельности византийских императоров и их приближенных, якобы смело разрешивших основные государственные проблемы. Императорам и их приближенным всецело приписывается успешное введение феодного устройства, увеличившего обороноспособность Византии, законодательная защита мелкой крестьянской собственности, которой угрожали динаты, создание хорошо организованной бюрократии, мудрая дипломатия, защита промышленности и торговли — источника процветания страны, политика заселения опустошенных войнами и эпидемиями областей эмигрантами и т. д. (т. II, стр. 582, 364 и др.). В свою очередь, многие крупнейшие поражения Византии рисуются, как следствие неудачной политики отдельных императоров и целых династий. Ошибки династии Ангелов вызвали, по мнению Брейе, распад империи и ее завоевание в 1204 г. западноевропейскими рыцарями (т. II, стр. 24). Постепенный упадок Византии в XI—XV вв. и ее гибель в значительной мере объясняются отказом византийских императоров этого периода, начиная с Романа Аргири, отменившего в 1028 г. законы Василия II, от политических принципов, на которых зиждилось величие империи, и неустойчивостью их внешней политики (т. II, стр. 383 и др.).

Не менее характерны для современной буржуазной историографии отрицание классовой борьбы в Византии, отчетливо проступающее в работе Брейе, и связанная с этим идеализация византийского государства.

Один из основных тезисов, который стремится доказать Брейе, заключается в следующем: „социальная история Византии представляла собой непрерывную борьбу между крупными земельными собственниками и центральной властью“ (т. III, стр. 152). Эта „постоянная борьба императоров против местных сил являлась внутренней драмой империи“ (т. II, стр. 90). Автор утверждает, что эта борьба и была борьбой

¹ Le monde Byzantin, t. III, avant-propos, p. XXI.

двух классов — „провинциальной земельной знати, смешавшейся с казистой военачальников, и дворцовой бюрократией, . . . враждебной военной аристократии“ (т. II, стр. 383). Начавшаяся в XI в. борьба между провинциальной военно-служилой знатью и столичной бюрократией сыграла роковую роль в истории империи. Византия все более слабеет вследствие упадка центральной власти под ударами крупных собственников, захвативших различного рода привилегии и иммунитетные права.

Но, подробно останавливаясь на противоречиях между различными фракциями господствующего класса и уделяя большое внимание вопросу о росте могущества династов, ограничивших императорскую власть, Брейе обходит молчанием борьбу между эксплуататорами и эксплуатируемыми, которая в Византии протекала чрезвычайно остро и которая составляла основную черту истории Византии, как и любого другого феодального общества. Он ничего не говорит об эксплуатации крестьян, возраставшей по мере развития феодальных отношений, о расслоении внутри цеха и об эксплуатации подмастерьев, учеников и наемных рабочих. Равным образом замалчивается история многочисленных широких народных движений, которые в VI—VII вв. были одной из основных сил, обусловивших революционный переход к новому, феодальному способу производства и которые сыграли столь важную роль в последующий период. В частности, описывая крестьянскую общину на основании данных „Земледельческого закона“, Брейе не указывает на то, что община послужила основной ячейкой упорного сопротивления крестьян крупным землевладельцам.

Едиственные факты из истории социальной борьбы в Византии, на которых Брейе останавливается — восстания димов и движение зилотов; но эти восстания изображены в его книге в искаженном виде, — в соответствии с общей тенденцией автора к всемерному затушевыванию классовых противоречий. Брейе (подобно С. Манойловичу, И. Янсенс и Ж. Братиану), указывая на социальные и политические различия между димами (т. II, стр. 197—198), считает димы социально-однородными организациями: венеты, по его утверждению, принадлежали к аристократии, а прасины — к низшим слоям городского населения, причем обе партии были „защитниками народа“ (т. II, стр. 198). Как показали исследования советских ученых — А. П. Дьяконова, М. В. Левченко и Н. В. Пигулевской, основную массу димов составили народные массы города и деревни, которые во время крупных восстаний 532 г., 602 г. и др. выступали как против правительства, так и против руководящих групп димов (аристократов-землевладельцев, возглавлявших венетов, купцов и владельцев ремесленных предприятий, возглавлявших прасинов). Таким образом, массовые движения димов были ярким проявлением классовой борьбы эксплуатируемых против всех прослоек господствующего класса в период кризиса рабовладельческого общества. Брейе неправильно оценивает значение этих движений в ходе исторического развития Византии.

Останавливаясь на движении зилотов в 1342—1349 гг., Брейе пишет о выступлениях масс Фессалоники, Адрианополя и других городов против знати. Но он сразу же извращает действительный характер расстановки классовых сил, изображая союзника Анны Савойской — Алексея Апокавка (стремившегося использовать народные движения в борьбе правительства „законного“ короля Иоанна V против узурпатора — Кантакузина) как врага знати, якобы благожелательно настроенного по отношению к беднейшим слоям населения городов. Причиной падения

Фессалоники Брейе считает ссору между двумя архонтами города — Алексеем Метохитом и вождем зилотов Андреем; действительные причины поражения восстания — незрелость городского плебса и др. — остаются вне поля зрения автора. Брейе умаляет размах этого крупнейшего народного восстания, не упоминая, что для его подавления Кантакузину пришлось обратиться за помощью к туркам. В целом Брейе дает общую отрицательную оценку восстанию зилотов; он заявляет, что оно способствовало увеличению анархии (т. II, стр. 216), тогда как на самом деле значение его заключалось совсем в другом: поражение зилотов означало для Византии ликвидацию последней возможности спасения.

Игнорируя классовую борьбу, Брейе, естественно, останавливается лишь на внешней истории еретических движений и их догматической стороне. Он не делает попытки проследить, почему с определенными историческими периодами связано бурное развитие еретических движений, какие слои населения поставляли их участников, какие устремления и чаяния выражали доктрины „еретиков“ и т. п. Таким образом, от него ускользает социальная сущность прогрессивных плебейско-крестьянских антифеодалных движений павликиан и богомилов. Причиной распространения богомильства в Болгарии он считает не внутренние процессы, происходившие в это время в стране, а переселение в нее императорами-иконоборцами и Иоанном Цимисхием жителей восточных провинций империи, последователей манихейства, и бегство в Болгарию павликиан в конце IX—X вв. (т. III, стр. 295 и 297).

Представляя развитие Византии как процесс, лишенный глубоких внутренних противоречий, признавая лишь наличие антагонизма между провинциальной знатью и столичной бюрократией в последний период существования империи, Брейе, подобно А. Грегуару, А. Андреадису и многим другим представителям современного буржуазного византиноведения, изображает византийское государство в идиллических тонах. „Обоснование“ реакционной идеи о надклассовом характере византийского государства является одной из основных задач труда Брейе.

По утверждению Брейе, в IV—V вв. жители империи, принадлежавшие к различным народностям, осознали свою солидарность перед лицом варваров, свою связь с великим римским прошлым, свой патриотизм и приверженность к благу империи (т. II, стр. 2—3). Следовательно, период крупнейших восстаний рабов и колонов, нередко объединявшихся с вторгавшимися „варварами“, изображается французским историком как эпоха трогательного единодушия всех народов и всех слоев населения империи, сплотившихся будто бы для защиты своего отечества (Брейе даже говорит о появлении в источниках этого периода термина „национальный“ в современном значении слова — т. II, стр. 2). Это вымышленное автором „единодушие“ в защите „отечества“ он объясняет тем, что византийское государство имело будто бы своей целью „защиту общих интересов, которые можно выразить одним словом: общее дело, республика — понятие, исчезнувшее на Западе и уцелевшее в Константинополе“ (т. II, стр. 218). Поэтому, — заключает Брейе, — византийское государство с его правосудием, финансами, дипломатией, почтой, армией представляет собой образец современного государства, существовавшего в средние века. Сильная центральная власть обеспечивала социальный порядок и экономическую независимость государства (т. II, стр. 248); византийский бюрократический аппарат являлся, по мысли Брейе, рациональной системой правления, так как благодаря ему в Византии, в отличие от других стран, была

возможна социальная жизнь, основанная на силе закона (т. II, стр. 168). В этих словах получила яркое выражение тенденция к затушевыванию подлинного эксплуататорского характера византийского государства, которое, подобно другим государствам средневековья, всегда являлось орудием господства правящего класса.

Брейе свойственна столь распространенная в буржуазной литературе (Ш. Диль, Г. Острогорский и др.) идеализация деятельности представителей Македонской династии. В частности, Василий I и Лев VI изображаются как защитники интересов народных масс, озабоченные предоставлением беднякам возможности принести жалобы на магнатов (т. II, стр. 225—226). Стремясь убедить читателя в том, что в Византии существовала тесная связь между императором и народом, Брейе — вопреки общеизвестным фактам — приписывает народу, „законным“ путем обращавшемуся к императору, огромное влияние на политику последнего, а также преувеличивает роль народа в выборах императора, которые он называет демократическими (т. II, стр. 7). Неоднократно автор говорит о „развитии династического чувства“ у народа (т. II, стр. 33), о „привязанности населения к законной династии“ (т. II, стр. 22; см. также т. II, стр. 34 и 36) и пр. Утверждая, что образование в Византии было общедоступным и учащиеся императорского университета „представляли все классы общества“ (т. III, стр. 487), Брейе называет „чрезвычайно демократичным“ и метод вербовки чиновников для государственного аппарата: эта вербовка открывала, по его мнению, доступ к наиболее высоким государственным должностям — по крайней мере до XI в., — всем подданным (т. II, стр. 154).

Реакционная сущность всех этих положений Брейе выступает совершенно ясно. Брейе говорит о социальном благополучии в Византийской империи — стране жесточайших классовых противоречий и в Константинополе, который, по словам К. Маркса, „... все более становится главным центром роскоши и нищеты на всем Востоке и Западе“.¹

Как известно, огромная бюрократическая машина империи, содержание которой всей своей тяжестью ложилось на трудящихся, являлась одним из органов государства для подавления и эксплуатации угнетенного класса — Брейе же изображает ее хранительницей порядка, безопасности и законности, действовавшей якобы в интересах широких слоев населения. Несомненным извращением исторической действительности является утверждение автора о единодушии между императором и его подданными, питавшими будто бы искреннюю привязанность к своему законному повелителю.

В Византии государственная власть — политическая надстройка — в период кризиса рабовладельческого общества активно боролась за сохранение старого базиса, старых форм эксплуатации, а в следующую эпоху — развития феодальных отношений — деятельно укрепляла последние, защищая свой базис.

Поэтому во время крупных восстаний народные массы города и деревни выступали не только против господствующего класса, но и против его оплота — рабовладельческого (восстания димов и др.), а позднее — феодального государства. Проявлявшееся иногда „влияние“ народа на политику императоров было в действительности результатом этих восстаний: например, аграрное законодательство Македонской династии, столь восхваляемое Брейе, являлось в определенной степени

¹ К. Маркс. Хронологические выписки. Архив Маркса и Энгельса, т. V, стр. 193.

следствием восстания Василия Медной Руки в 932 г. и других мощных народных движений.

Брейе дает высокую оценку системе постоянного надзора и „опеки“ над населением, составлявшей одну из особенностей византийского деспотического государства. Государственное регулирование экономической жизни, строгая и мелочная регламентация ремесла, производившаяся в интересах государства и стеснявшая развитие ремесленного производства, объявляются причиной „величия и успеха экономических мероприятий Византии“ (т. III, стр. 221) в эпоху наибольшего могущества империи, а их исчезновение в следующий период — причиной захвата византийской торговли итальянскими городами.

Сильная, опирающаяся на обширный бюрократический аппарат власть, которая сделала Византию оплотом деспотизма, — вот что особенно привлекает симпатии автора. Благодаря этой власти, — считает он, — Византии не пришлось пережить тех революционных потрясений, которые имели место на Западе, и в стране без всякого перерыва (*hiatus*) продолжали развиваться унаследованные от древности учреждения и традиции (т. II, стр. 218). В Византии, якобы избежавшей массовых народных революций и испытавшей лишь государственные перевороты, царил, по выражению Брейе, консервативный дух (*l'esprit conservateur*), который автор сравнивает... с духом современной Англии; по мнению Брейе, этот консервативный дух в Англии выражается в уважении к традиции, которое является политическим орудием, скрепляющим единство страны; в Византии он проявлялся в приверженности к обычаям, целью которых было возвеличение императорского достоинства и превращение его в объект почитания (т. II, стр. 65—66). Следовательно, Брейе восхваляет Византию именно за те характерные черты византийского государства, которые побудили К. Маркса назвать его „самым худшим государством“.¹ Стремление идеализировать это государство заставило Брейе вступить на путь фальсификации истории.

Полная методологическая беспомощность Брейе лишает его возможности понять основные причины гибели Византийской империи. Считая положение Византии V—X вв. блестящим, Брейе отказывается признать, что уже в VIII—X вв. начали развиваться те процессы, которые он сам считает причиной упадка и крушения византийского общества и „неожиданное“ возникновение которых он относит к XI в. Действительно, в качестве причин этого упадка и гибели Византии Брейе отмечает, с одной стороны, усиление крупных светских и церковных земельных собственников, приобретение ими проний и закрепощение ранее свободного крестьянства, с другой, — связанный с увеличением могущества династов упадок государственной власти; последний имел своим следствием крушение византийской монетной системы и утрату экономической независимости империи, столица которой превратилась в поле битвы между Генуей и Венецией, что сделало невозможным возрождение торговли и ремесла (см. т. II, стр. 165, 248, 583; т. III, стр. 225 и др.). Однако Брейе не понимает, что все эти явления в действительности были выражением более всеобъемлющего процесса — процесса феодализации византийского общества, начавшегося задолго до XI в. Мы уже указывали, что Брейе вообще отрицает наличие феодального строя в Византии.

Идеалистическая концепция Брейе обуславливает органическое непонимание им определяющего значения уровня развития произво-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. I, стр. 192.

дительных сил и характера производственных отношений, составляющих в своем единстве господствующий в данный период способ производства. Лишь исследование византийского феодализма и присущих ему характерных особенностей (наличие дофеодалных укладов — рабовладельческого и общинного и т. п.) может послужить ключом к уяснению истории Византии. Тупик, в который зашло византийское общество, был следствием специфики развития феодального строя, слишком медленного его разложения и слабости возникавших зачатков капиталистических отношений; выходом из этого тупика могла быть лишь коренная ломка существующих порядков. Все эти проблемы остаются совершенно вне поля зрения Брейе.

В заключение следует отметить еще один вопрос, трактовка которого подверглась грубому искажению на страницах рецензируемой книги, — вопрос о русско-византийских отношениях и о характере и размерах влияния византийской культуры на русскую.

Автор придерживается распространенной в современной буржуазной историографии и сугубо реакционной так называемой „норманистской“ теории происхождения русского государства. Следуя за тенденциозными построениями А. Васильева,¹ Брейе изображает варягов „основателями первого русского государства“ (т. III, стр. 202). Он приписывает варягам заслугу основания русских городов (равным образом, крупнейший славянский порт на Балтийском море — Волин — был, по его мнению, создан норманнами), а также — установления торговых сношений с соседними народами, в частности, с Византией (т. III, стр. 202—203). Между тем, Б. Д. Греков и другие советские ученые неопровержимо доказали на основании письменных источников и памятников материальной культуры (кстати, в большей своей части неизвестных Брейе, который знаком лишь с археологическими материалами, найденными в XIX в. — т. III, стр. 193), что русское государство, являвшееся продуктом развития общественных отношений на его определенном этапе, уже существовало у славянских народов к моменту прибытия Рюрика в Новгород, и что варяги восприняли более высокую культуру славян, имевших много городов, развитое земледелие и находившихся в торговых сношениях с арабами и другими народами.

Повторяя живые измышления А. Васильева,² пытавшегося посредством прямых подлогов принизить историческую роль русского народа, Брейе заявляет, что „Русь, будучи независимой, занимала подчиненное положение в иерархии государств. Она не только была подчинена в церковном отношении вселенскому патриарху, но... она всегда считалась в Константинополе вассальным государством империи“ (т. II, стр. 285, см. также т. II, стр. 473). В подтверждение этого Брейе ссылается на выражение Псела, назвавшего вторжение русских в 1043 г. мятежом, на фрески собора св. Софии в Киеве, изображающие Ярослава, дарующего византийскому императору модель церкви, на принятие русскими князьями лишь при Иване III титула царя и, на то, что русские нередко оказывали военную помощь Константинополю.

Необоснованность аргументации Брейе очевидна. Связь русской церкви с византийской, разумеется, не является доказательством вассальной зависимости Руси, в наличии которой пытается убедить читателя Брейе. Еще меньше основания считать принятие царского титула Иваном III свидетельством зависимого положения Руси в пред-

¹ A. Vasiliev. The Russian Attack on Constantinople in 860, Cambridge, 1946.

² A. Vasiliev. Was old Russia a vassal State of Bizantium? „Speculum“, 1932.

шествующую эпоху. Посылка русскими военных дружин на помощь византийскому императору говорит о том, что Византия часто вынуждена была прибегать к помощи русских в период серьезных внешних и внутренних осложнений. Походы Святослава являются достаточным свидетельством того, насколько опасным соседом для Византии являлось Киевское государство в период обострения отношений между ними. Доказательством равноправного положения Руси и Византии является также содержание русско-византийских торговых договоров, о которых лишь вскользь говорит Брейе (т. III, стр. 204). Упомянутый Пселлом поход 1043 г. показателен именно в отношении непоколебимости политики охраны равноправия Руси, проводившейся Ярославом, как и другими русскими князьями. В княжение Ярослава, на изображение которого на фреске ссылается Брейе, проводилась энергичная борьба с попытками Византии подчинить Русь своему влиянию. Достаточно упомянуть об избрании русского митрополита Иллариона, о грандиозном киевском строительстве, предпринятом с целью повышения значения столицы государства, и т. п. Такого рода факты игнорируются Брейе, так как полностью разрушают его концепцию.

Столь же лишено всякого научного обоснования утверждение Брейе, что русское искусство якобы было по существу византийским искусством, перенесенным на Русь вместе с христианством (т. III, стр. 565). Он пытается доказать, что киевская церковная архитектура была прямым подражанием византийской, что киевская, новгородская и суздальская школы живописи будто бы лишены всякой оригинальности; в образцах росписи рукописей и икон и в стенной живописи Киева, Новгорода XI—XV в., Москвы XIV—XV вв. автор видит исключительно византийское влияние (т. III, стр. 566—570). Таким образом, отрицается яркая и самобытная культура Киевского и — позднее — Московского государства, великие культурные традиции русского народа, художественный гений которого, восприняв лучшие византийские, армянские, сасанидские и другие образцы, создал собственное, неповторимое в своем своеобразии искусство (оригинальная архитектура церквей Киева, Новгорода, Чернигова и других городов, новые художественные композиции и стиль русской живописи и пр.). Брейе отрицает творческую самостоятельность величайшего мастера русской живописи конца XIV—начала XV в. — Андрея Рублева, знаменитую „Троицу“ которого он называет шедевром... византийского искусства эпохи Палеологов (т. III, стр. 276).

Труд Брейе, задавшегося целью дать полное изложение византийской истории, учреждений и цивилизации, даже претендующего на выяснение „темперамента народа, его идеала, его жизни в ее конкретной реальности“ (т. III, стр. 1), ярко показывает бессилие буржуазного историка-идеалиста, который не в состоянии постигнуть внутреннюю связь исторических событий. Лишенная твердой научной основы, история в его изображении превратилась в хаотическое скопление фактов, которым дается извращенное толкование. Общие выводы, которые автор пытается формулировать, доказывают лишь его полную неспособность к обобщениям. Иногда Брейе изобретает „законы“ общественного развития, являющиеся полной нелепостью. Так, например, он находит, что история древнеримской империи и история Византии имеют между собой много общего: в обеих империях сменялись в регулярном ритме периоды спокойствия, процветания и мира и периоды военных мятежей и внутренних усобиц. В подтверждение своего „открытия“ Брейе приводит цифры, свидетельствующие о приблизительно одинаковом соотношении количества императоров, убитых во время переворотов,

низложенных и умерших естественной смертью в Римской империи и в Византии (т. II, стр. 17).

Неумение выделить основное в обширном материале, которым Брейе располагал, приводит к тому, что он уделяет много места целому ряду второстепенных вопросов, подробно описывая частную жизнь императоров, придворный церемониал, внутреннее убранство церквей и отдельные детали религиозного культа, костюмы и прически византийцев и т. п. Игнорирование наиболее существенных вопросов истории Византии и неправильное освещение проблем, затронутых в „Византийском мире“, приводит к полной неудаче попытки Брейе дать, на основании работ других буржуазных ученых, синтез истории Византии. Эта неудача не случайна: она знаменует собой глубокий упадок современного буржуазного византиноведения.

М. Л. Абрамсон

F. DVORNIK. THE PHOTIAN SCHISM

History and Legend, Cambridge, 1948.

В последнее время Ватикану отводится все более значительная роль в планах международной реакции. Ватикан приобретает особое влияние благодаря своему огромному опыту пропаганды реакционной идеологии, накопленному в течение столетий. Не в силах найти в арсенале средств воздействия на массы никаких доводов, кроме апелляции к „западной культуре“ и „европейской цивилизации“, империализм хватается за христианство. Идеологи католицизма, стремясь к консолидации своих сил, выдвигают противоречивый историческим фактам тезис о том, что христианская церковь всегда якобы была единой и сплоченной. В частности, они придают огромное значение доказательству того, что в своем воздействии на славянские народы Восточной Европы западная и восточная церковь действовали якобы единым фронтом и именно этому воздействию славянские народы будто бы и обязаны развитием своей культуры.¹

В связи с этим в католической историографии наметился отход от прежних представлений о так называемой фотийской схизме, обусловившей разрыв между западной и восточной церквами в IX в. Одним из видных сторонников этой точки зрения был кардинал Гергенрётер,² прямо называвший Фотия виновником этого разрыва.

Автор рецензируемой книги бывший чешский католический епископ Франтишек Дворник, не вернувшийся в Чехословакию из эмиграции после 1945 г., полностью порывает с прежними воззрениями и пытается пересмотреть вопрос о фотийской схизме.

Патриарх Фотий — одна из значительных фигур в истории Византии IX в. Незаурядный и плодовитый писатель, оставивший после себя немалое наследство, он сыграл большую роль в литературной жизни этого столетия. В то же время Фотий являлся крупным церковно-политическим деятелем. Именно он проводил мероприятия по распро-

¹ A. Gregoire. The Disruption of European Unity: the Greek Schism and its lasting political implications. „Belgium“, II (1942).

² J. Hergengröther. Photius, Patriarch von Konstantinopel, Regensburg, 1867—1869.